

COMMENTAIRE COMPOSÉ DE LITTÉRATURE RUSSE

Commentez, **en russe**, le texte suivant :

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

« Пустырь » — засоренное разным хламом и заросшее бурьяном дворовое место. В глубине его — высокий кирпичный брандмауер. Он закрывает небо. Около него — кусты бузины. Направо — темная, бревенчатая стена какой-то надворной постройки: сарая или конюшни. А налево серая, покрытая остатками штукатурки стена того дома, в котором помещается ночлежка Костылевых. Она стоит наискось, так что ее задний угол выходит почти на середину пустыря. Между ею и красной стеной — узкий проход. В серой стене два окна: одно — в уровень с землей, другое — аришина на два выше и ближе к брандмауеру. У этой стены лежат розвальни кверху полозьями и обрубок бревна, длиною аришина в четыре. Направо у стены — куча старых досок, брусьев. Вечер, заходит солнце, освещая брандмауер красноватым светом. Ранняя весна, недавно стаял снег. Черные сучья бузины еще без почек. На бревне сидят рядом *Н а т а ш а* и *Н а с т я*. На дровнях — *Л у к а* и *Б а р о н*. *К л е щ* лежит на куче дерева у правой стены. В окне у земли — рожка *Б у б н о в а*.

Н а с т я (закрыв глаза и качая головой в такт словам, невуче рассказывает). Вот приходит он ночью в сад, в беседку, как мы уговорились... а уж я его давно жду и дрожу от страха и горя. Он тоже дрожит весь и — белый как мел, а в руках у него леворверт...

Н а т а ш а (грызет семечки). Ишь! Видно, правду говорят, что студенты — отчаянные...

Н а с т я. И говорит он мне страшным голосом: «Драгоценная моя любовь...»

Б у б н о в. Хо-хо! Драгоценная?

Б а р о н. погоди! Не любо — не слушай, а врать не мешай... Дальше!

Н а с т я. «Ненаглядная, говорит, моя любовь! Родители, говорит, согласия своего не дают, чтобы я венчался с тобой... и грозят меня навеки проклясть за любовь к тебе. Ну и должен, говорит, я от этого лишиться себя жизни...» А леворверт у него — огромный и заражен десятью пулями... «Прощай, говорит, любезная подруга моего сердца! — решился я бесповоротно... жить без тебя — никак не могу». И отвечала я ему: «Незабвенный друг мой... Рауль...»

Б у б н о в (удивленный). Чего-о? Как? Краул?

Б а р о н (хохочет). Настька! Да ведь... ведь прошлый раз — Гастон был!

Н а с т я (вскакивая). Молчите... несчастные! Ах... бродячие собаки! Разве... разве вы можете понимать... любовь? Настоящую любовь? А у меня — была она... настоящая! (*Барону.*) Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человек... говоришь — лежа кофей пил.

Л у к а. А вы — погоди-ите! Вы — не мешайте! Уважьте человеку... не в слове — дело, а — почему слово говорится? — вот в чем дело! Рассказывай, девушка, ничего!

Б у б н о в. Раскрашивай, ворона, перья... валяй!

Б а р о н. Ну — дальше!

Н а т а ш а. Не слушай их... что они? Они — из зависти это... про себя им сказать нечего...

Н а с т я (снова садится). Не хочу больше! Не буду говорить... Коли они не верят... коли смеются... (*Вдруг, прерывая речь, молчит несколько секунд и, вновь закрыв глаза, продолжает горячо и громко, помахивая рукой в такт речи и- точно вслушиваясь в отдаленную музыку.*) И вот — отвечаю я ему: «Радость жизни моей! Месяц ты мой ясный! И мне без тебя тоже вовсе невозможно жить на свете... потому как люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но, говорю, не лишай себя молодой твоей жизни... как нужна она дорогим твоим родителям, для которых ты — вся их радость... брось меня! Пусть лучше я пропаду... от тоски по тебе, жизнь моя... я — одна... я — таковская! Пускай уж я... погибаю,— все равно! Я — никуда не гожусь... и нет мне ничего... нет ничего...» (*Закрывает лицо руками и беззвучно плачет.*)

Н а т а ш а (*отвертываясь в сторону, негромко*). Не плачь... не надо!

Лука, улыбаясь, гладит голову Настю.

Б у б н о в (*хохочет*). Ах... чертова кукла! а?

Б а р о н (*тоже смеется*). Дедка! Ты думаешь – это правда? Это все из книжки «Роковая любовь»... Все это – ерунда! Брось ее!..

Н а т а ш а . А тебе что? Ты! Молчи уж... коли Бог убил...

Н а с т я (*яростно*). Пропадающая душа! Пустой человек! Где у тебя – душа?

Л у к а (*берет Настю за руку*). Уйдем, милая! ничего... не сердись! Я – знаю... Я – верю! Твоя правда, а не ихняя... Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь... значит – была она! Была! А на него – не сердись, на сожителя-то... Он... может, и впрямь из зависти смеется... у него, может, вовсе не было настоящего-то, ничего не было! Пойдем-ка!..

Н а с т я (*крепко прижимая руки ко груди*). Дедушка! Ей-Богу... было это! Все было!.. Студент он... француз был... Гастошей звали... с черной бородкой... в лаковых сапогах ходил... разрази меня гром на этом месте! И так он меня любил... так любил!

Л у к а . Я – знаю! Ничего! Я верю! В лаковых сапогах, говоришь? А-й-ай! Ну – и ты его тоже – любила?

Уходят за угол.

Б а р о н . Ну и глупа же эта девица... добрая, но... глупа – нестерпимо!

Б у б н о в . И чего это... человек врать так любит? Всегда – как перед следователем стоит... право!

Н а т а ш а . Видно, вранье-то... приятнее правды... Я – тоже...

Б а р о н . Что – тоже? Дальше?!

Н а т а ш а . Выдумываю... Выдумываю и – жду...

Б а р о н . Чего?

Н а т а ш а . (*смущенно улыбаясь*). Так... Вот, думаю, завтра... придет кто-то... кто-нибудь... особенный... Или – случится что-нибудь... тоже – небывалое... Подолгу жду... всегда – жду... А так... на самом деле – чего можно ждать?

Пауза.

Б а р о н (*с усмешкой*). Нечего ждать... Я – ничего не жду! Все уже... было! Прошло... кончено!.. Дальше!

Н а т а ш а . А то... вообразу себе, что завтра я... скорострительно помру... И станет от этого – жутко... Летом хорошо воображать про смерть... грозы бывают летом... всегда может грозой убить...

Б а р о н . Нехорошо тебе жить... эта сестра твоя... дьявольский характер!

Н а т а ш а . А кому – хорошо жить? Всем плохо... я вижу...

К л е щ . (*до этой поры неподвижный и безучастный – вдруг вскакивает*). Всем? Врешь! Не всем! Кабы – всем... пускай! Тогда – не обидно... да!

Б у б н о в . Что тебя – черт боднул? Ишь ты... взвыл как!

Клещ снова ложится на свое место и ворчит.

Б а р о н . А... надо мне к Настёнке мириться идти... не помирись – на выпивку не даст...

Б у б н о в . Мм... Любят врать люди... Ну, Настька... дело понятное! Она привыкла рожу себе подкрашивать... вот и душу хочет подкрасить... румянец на душу наводит... А... другие – зачем? Вот – Лука, примерно... много он врет... и без всякой пользы для себя... Старик уж... Зачем бы ему?

Б а р о н . (*усмехаясь, отходит*). У всех людей – души серенькие... все подрумянится желают...

Л у к а . (*выходит из-за угла*). Ты, барин, зачем девку тревожишь? Ты бы не мешал ей... пускай плачет-забавляется... Она ведь для своего удовольствия слезы льет... чем тебе это вредно?

Б а р о н . Глупо, старик! Надоела она... Сегодня – Рауль, завтра – Гастон... а всегда одно и то же! Впрочем – я иду мириться с ней... (*Уходит.*)

Л у к а . Поди-ка, вот... приласкай! Человека приласкать – никогда не вредно...

Н а т а ш а . Добрый ты, дедушка... Отчего ты – такой добрый?

Л у к а . Добрый, говоришь? Ну... и ладно, коли так... да!

За красной стеной тихо звучит гармоника и песня.

Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть... жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел... Я те скажу – вовремя человека пожалеть... хорошо бывает!

М. ГОРЬКИЙ (1868-1936), *На дне* (1902)